АЗБУКА ВЕРЫ

диакон Андрей

В защиту не-простоты или о ереси гносеомахии

Православный портал «Азбука веры» · azbyka.ru

В защиту не-простоты или о ереси гносеомахии – материал раздела «Православный портал «Азбука веры»» православного портала «Азбука веры».

Оригинал и другие материалы: azbyka.ru/v-zashhitu-ne-prostoty-ili-o-eresi-gnoseomaxii

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект, все материалы которого доступны бесплатно. Поддержать портал: azbyka.ru/kak-pomoch

В защиту не-простоты или о ереси гносеомахии

диакон Андрей

Преподобный Амвросий Оптинский некогда сказал золотые слова: «Где просто, там Ангелов со сто»…

Но эти слова не про нас. Тогда, полтора века назад, вокруг был православный мир, православная школа, государство, семья. У каждого под рукой был добротный хлеб – жизнь своего прихода. Захотел большего – поезжай в ближайший монастырь. А богословие было этаким интеллектуальным пирожным, излишним и не связанным с реальной жизнью и ее проблемами.

Сегодняшний мир ежедневно обращает к христианам тысячи вызовов. И человек, который не воспитан в традиции религиозной мысли, оказывается беззащитен. Он не сможет отличить подлинное от подделки и, даже имея подлинное, не сможет передать его своим детям. Так что сегодня где просто – там ересей со сто. Так и в самой церковной среде, а уж тем более в светской.

Православие становится интересным, привлекательным для тех людей, у которых есть вкус к сложности, вкус к мысли, вкус к самостоятельности, умение плыть против течения. Поэтому давайте перестанем воспроизводить на уровне приходских пересудов и в церковных изданиях все эти привычные хулы из позапрошлого века по поводу интеллигенции, которая Россию продала. Любому, кто от имени Церкви начнет мусолить тезис о том, что от учености и книжности всякие, мол, следуют духовные беды, стоит жестко напомнить, что он цитирует апостольского врага. Именно: *Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия* (Деян.26:24).

Люди, которые твердят о ненужности знания и образования, надеясь на свои духовные способности, становятся жертвой столь воспеваемого ими невежества. Их знаний не хватает даже на то, чтобы заметить еретичность своей позиции.

Гносеомахия – война против познавательных усилий человека – в Церкви считается ересью: «Они отвергают необходимость для христианства всякого знания. Они говорят, что напрасное дело

делают те, которые ищут каких-либо знаний в Божественных Писаниях, ибо Бог не требует от христианина ничего другого, кроме добрых дел. Итак, лучше жить скорее попроще и не любопытствовать ни о каком догмате, относящемся к знанию», – передает преподобный Иоанн Дамаскин учение ереси гносеомахов (88-й в его каталоге еретиков)1.

Гносеомахам в 16 веке хорошо ответил Эразм Роттердамский: «Вы спрашиваете, зачем нужна философия для изучения Писания? – Отвечаю: А зачем нужно для этого невежество?»2.

А еще в IV веке им же отвечал святитель Григорий Богослов: «Поэтому-то и должны быть тобой избираемы лучшие люди: ведь едва ли кому-нибудь из людей средних способностей, даже если бы он и ревностно поборолся, довелось бы одолеть лучших людей. Но мне предстанут мытари и рыбаки, бывшие евангелистами. Ведь они, немощные в красноречии, весь мир словно сетью уловили своим простым словом и даже мудрецов поймали в свои рыбацкие сети, чтобы таким образом чудо Слова стало еще более [очевидным]. Причем этого мнения придерживаются многие, против которых обращена моя краткая, но предельно ясная речь. Дай мне веру одного из апостолов, [дай силу] не иметь денег, дорожной сумы и посоха; быть полураздетым, не иметь сандалий, жить одним днем, быть богатым только надеждой; быть неискусным в словесном мастерстве; быть тем, о ком нельзя подумать, что он скорее льстит, [чем говорит правду]; [дай силу] не углубляться в исследование чуждых учений. Пусть явится кто-нибудь, обладающий такими достоинствами, и я приму все: не имеющего дара слова, позорного, незнатного, волопаса. Ведь [праведный] образ жизни покрывает [внешние] недостатки. Будь ты одним из таковых, и, хотя бы ты был ловцом лягушек, тогда мы вознесем тебя к ангельским хорам! Так покажи мне хотя бы что-нибудь одно! Но разве ты очищаешь от демонов? изгоняешь проказу? мертвого воскрешаешь из гроба? разве ты сможешь прекратить паралич? Подай руку страждущему и прекрати болезнь! Только так ты сможешь убедить меня пренебречь знанием. Если же нечто состоит из двух частей – похвального и достойного порицания, а ты берешь в расчет только первое, тогда как другое охотно обходишь молчанием, то ты весьма коварно искажаешь истинный образ вещи…

Как бы им (апостолам – *А.К.*) удалось убедить царей, города и собрания, обвинявшие их и обладавшие великой силой красноречия, [когда они оказывались] перед судьями и в театрах? Как бы им удалось убедить мудрецов, юристов, высокомерных Эллинов и обличить их публично, если бы они не были причастны к той культуре, в знании которой ты им отказываешь. Может быть, ты скажешь о силе Духа, и это будет справедливо, но обрати внимание на то, что из этого следует: ты-то разве не причастен Духу? и, само собой, ты очень гордишься этим. Почему же ты лишаешь культуры тех, кто стремится к ней?» (О себе самом и о епископах, 189-215 и 240-245)3.

И еще из Григория Богослова: «Не должно унижать ученость, как рассуждают о сем некоторые, напротив, надобно признать глупыми и невеждами тех, которые, держась такого мнения, желали бы всех видеть подобными себе, чтобы в общем недостатке скрыть свой собственный недостаток и избежать обличения в невежестве»4.

Блаж. Иероним Стридонский, предприняв новый перевод Писания на латынь, должен был принять немало оскорблений прежде, чем его Вульгата стала каноническим текстом в Западной Церкви: «До меня неожиданно дошел слух, что некоторые людишки бранят меня непрестанно, зачем в Евангелиях, против мнения всего света и вопреки авторитету старины, я пытаюсь исправлять кое-что. Я мог бы презреть их по праву – не для осла звучит лира… Мужицкое невежество они одно и считают за святость, уверяя, что они ученики рыбаков, как будто бы люди потому лишь могут быть праведны, что ничего не знают»5.

Те же мысли встречаем у святителя Иоанна Златоуста: «Если бы кто мог бы посредством чудес заграждать уста бесстыдным, то не имел бы нужды в помощи слова; или, лучше, оно по свойству своему и тогда было бы не бесполезно, но даже весьма необходимо… Если бы мы имели силу знамений, то не стали бы так много заботиться о слове; но если не осталось и следа той силы, а между тем со всех сторон и непрестанно наступают неприятели, то уже необходимо нам ограждаться словом, чтобы нам не поражаться стрелами врагов и чтобы лучше нам поражать их… Для всего этого нам не дано ничего другого, кроме одной только помощи слова; и если кто не имеет этой

силы, то души подчиненных ему людей постоянно будут находиться в состоянии нисколько не лучше обуреваемых кораблей. Почему же Павел не старался приобрести эту силу, но прямо признает себя невеждою? – От этого самого многие и погибли и сделались менее ревностными к истинному учению. Так как они не могли в точности постигнуть глубину мыслей апостола и проводили все время в дремоте и сонливости, хваля невежество не то, которое приписывал себе Павел, но от которого он так был далек, как ни один человек, живущий под небом. Впрочем, положим, что Павел был невеждою в том смысле, какого они желают; как это относится к нынешним людям? Он имел силу, гораздо высшую слова, и при молчании своем он был страшен для демонов. А нынешние все, собравшись вместе, с бесчисленными молитвами и слезами своими не могли бы сделать того, что некогда могли совершать полотенца Павловы… Как же кто-нибудь, оставаясь невеждою, может обличать противящихся? Все это вымыслы и предлоги и прикрытие беспечности и лености… Одних дел недостаточно для научения»6.

Тут, впрочем, надо сказать о вкладе русских переводчиков Библии в волну гносеомахии.

В нашем синодальном переводе, выполненном в XIX веке, мы читаем сегодня слова апостола Павла: – *боюсь, чтобы ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе* (ср.: 2Кор.11:3). И делаем вывод: простота – это хорошо, а всякая умственная сложность и критичность – плохо…

Но ведь слово «уклонившись» набрано курсивом. Это означает, что его просто нет в греческом оригинале (кстати, его действительно нет ни в одной из греческих рукописей) и его вставили переводчики для уяснения смысла. Увы, в данном случае они своей вставкой смысл затемнили…

Церковнославянский перевод несет противоположный смысл: Боюся же, да не истлеют разумы ваши от простоты, яже о Христе. Противоположный перевод оказывается возможен из-за двусмысленности греческого предлога аро – «от». «От» может быть указанием на причину некоего события («я от него научился»), а может быть указанием на точку отсчета («пошел от»). Святитель Феофилакт Болгарский понимал аро как указание на причину:

«Чтобы не прельстились вследствие своей простоты»[7]. Такое же толкование встречается в древности у Экумения, а ближе к нашим дням – у святителя Феофана Затворника: – «Боюсь, да не истлеют разумы ваши от простоты, – по причине простоты, которую стяжевает душа во Христе Иисусе. Ибо видя все во Христе истинным, она забывает об обмане и прельщении, – и, преисполняясь в Нем добротою, забывает о лукавстве и злохитрости, – и чрез то приобщается некоторым образом того неведения зла, которое качествовало в невинном состоянии. Этим вашим настроением, говорит, может воспользоваться враг, и увлечь вас чрез свои орудия»[8]. Иоанн же Златоуст говорит, что, «хотя Ева была проста, это не спасло ее от обвинения»[9]. «От простоты говорю, а не от лукавства; не от злонамеренности, не от неверия вашего, но от простоты. Впрочем, и в этом случае не заслуживают извинения обольщаемые, как показал пример Евы»[10].

Да и по контексту своей речи Павел предупреждает коринфян, что их простота может довести их до беды: если они будут доверять всякому, кто будет к ним обращаться от имени Христова[11]…

Впрочем, есть и обратный пример – когда именно церковно-славянский перевод Библии воспевает не-книжность, а русский синодальный перевод такого смысла с собою не несет.

Речь идет о переводе Пс.70:15. По-славянски: *Уста моя возвестят правду Твою, весь день спасение Твое, яко не познах книжная*. По-русски: *Уста мои будут возвещать правду Твою, всякий день благодеяния Твои; ибо я не знаю им числа*. Церковно-славянский перевод был сделан с той версии греческого перевода Библии, в которой вместо читаемого в современных научных изданиях pragmateias[12] стояло grammateias[13]. Греческое pragmateias имеет два основных смысла: 1) дела, 2) литературный труд. В понимании славянских переводчиков второй смысл вышел на первое место. Отсюда и странность русского издания толкования на это место святителя Афанасия Великого: он понимал это слово по его основному значению, а русские издатели решили вставить в его текст знакомый им церковнославянский перевод. И получилось: «*Яко не познах книжная*. Под словом «книжная» разумеет или суетные и многоухищренные житейские развлечения, или многообразные

жертвы, какие повелено было приносить законом. И говорит: поелику отверг я все сии жертвы, то войду в горние обители, если Господь подаст мне на это силы»14.

Русский же перевод был сделан с еврейского текста Писания: «я не знаю [им] числа», «не могу перечислить по пальцам».

В раннем христианстве действительно вера простых христиан противопоставлялась изощренности языческих философов. Но сегодня отчего-то эту схему стали прилагать к отношениям внутри Церкви – превознося христиан-простецов над христианами же, приложившими усилия для познания своей веры… Такой перенос столь же недобросовестен, как перенос ветхозаветных осуждений идолопоклонства на христианское иконопочитание: из того обстоятельства, что Библия не одобряет поклонение статуе Изиды, еще не следует, что с Библией несовместимо почитание лика Христа. Точно так же и апостольское осуждение языческих эрудитов, которые за коллекционированием чужих мнений забывали составить свое собственное, не стоит переносить на церковных людей, изучающих Писание и историю Церкви Христовой.

В сегодняшней церковной жизни отчего-то считается хорошим тоном воспевать не-книжную простоту. Но не такова православная традиция. Это в католической культуре воспевается «вера угольщика» и вызывают восхищение слова Пастера: «Я много думал и изучал, и поэтому моя вера стала столь же искренней, как вера бретонского крестьянина. Но если бы я изучал и думал еще больше, то моя вера стала бы такой же, как у бретонской крестьянки». За этими замечательными словами проглядывает не естественность, а кризис и болезнь, интеллигентский надрыв, когда вера перестала быть чем-то органичным. Показательно для восточно-христианской традиции отсутствие в ее библиотеке святоотеческих творений, посвященных соотношению разума и веры как проблеме…

На русской же почве лесть невежеству началась в 16 веке.

«И тебе, моему государю, ведомо, что аз селской человек, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астроном ни читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывал»15. Эти слова старца Филофея, сказанные в 1521 году, через столетие уже известны

школярам (по крайней мере их воспроизводит рукописная пропись 1643 года): «Братие, не высокоумствуйте, но в смирении пребывайте. Аще же кто речет: веси ли всю философию? И ты ему рцы: еллинских борзостей не текох, ни риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы не бывах, философию ниже очима видех; учуся книгам благодатного закона как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов»16.

Некий древнерусский книжник (увы, не названный по имени ни Ключевским, ни Каптеревым) назидал: «Богомерзостен перед Богом всяк любяй геометрию, а се душевнии греси учитися астрологии и еллинским книгам…; проклинаю прелесть тех, иже зрят на круг небесный: своему разуму верующий, удобь впадает в прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости, не изыскуй того, что выше тебя, не испытуй того, что глубже тебя, а какое дано тебе от Бога готовое учение, то и держи»17.

Конечно, эти обличения прежде всего были направлены против псевдонауки, против астрологии. Но в условиях, когда и в Западной Европе астрология еще не вполне отделилась от астрономии, а на Руси и подавно ни было известно об иных путях естествоиспытания, такие обличения в адрес звездочетной «математики» становились обличениями учености как таковой. Князь Курбский свидетельствовал, что он слышал такие речи, обращаемые против изучения собственно богословия: «Пребывая еще под властью московского царя, я не раз слышал, как хитрецы, выдающие себя за учителей, обманывают юношей, стремящихся к учению и, запрещая, говорят им: «Не читайте много книг!». И указывают на умалишенных: «Этот, мол, от книг умом помрачился, а этот в ересь впал»18.

Вскоре и протопоп Аввакум взял за правило хвалиться собственной необразованностью. Ему кажется, будто «вси святии нас научают, яко риторство и философство – внешняя блядь, свойствена огню негасимому»19.

Поначалу старообрядческие апологеты держались за книги и критически отзывались о народном благочестии. И было, было за что критиковать «народную веру». Крупнейший церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) пишет с не характерной для него эмоциональностью: «И суеверие, самое грубое суеверие во всех

возможных видах господствовало в массах русского духовенства и народа и потемняло, подавляло в сознании как пастырей, так и пасомых те немногие истинные и здравые понятия, какие могли они иметь о догматах своей православной веры»20. И староверческие писатели поначалу горевали об этом.

Но поскольку лидеры никоновской партии Паисий Лигарид и Симеон Полоцкий не жалели эпитетов для своих оппонентов, называя их «безумными невеждами» и «неучеными людьми», то тем самым они готовили обратную реакцию Аввакума – идеализацию мужичьей веры, не испорченной ухищрениями искушенных в риторике богословов. «Неудивительно, что идеализация того, что просветители позднее назовут «верой молочницы», появится уже у Аввакума. В своей полемике с диаконом Федором Ивановым Аввакум советовал ему спросить мнения о Троице у простой поселянки: «Федка, а Федка… Коли не знаешь в книгах силы, и ты вопроси бабы-поселянки: заблудил-де от гордости, государыня матушка. Помоги-де матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую. Скажи-де, государыня, о Святой Троице, Троица-де что есть. Так она тебе скажет и отвещает». Искусственность этого образа – поселянки, готовой растолковать один из сложнейших богословских догматов, – бросается в глаза. Особый смысл приняло восхваление мужицкой веры как единственно правильной в сектантстве. В одном из «новейших» хлыстовских духовных стихов поется: «Дураки вы, дураки, Деревенски мужики, Как и эти дураки, Словно с медом бураки; Как и в этих дураках Сам Господь Бог пребыват». Это уже было не искренним заблуждением, как у Аввакума, а намеренной лестью. Льстя чувствам необразованных верующих, сектанты пополняли свои ряды»21.

Трагикомизм ситуации в том, что как раз учение Аввакума (или спрошенной им бабы-поселянки) о Троице оказалось еретичным. Без всяких наук протопоп Аввакум и поп Лазарь создали такое учение о Св. Троице: «Троица рядком сидит, – Сын одесную, а Дух Святый ошую Отца на небеси на разных престолах, – яко царь с детьми сидит Бог Отец, – а Христос на четвертом престоле особном сидит пред Отцем небесным». На дьякона Федора, исповедовавшего единого Бога в трех лицах, протопоп Аввакум клятву налагал: «дьякон-де в единобожество впал, прельстился!»22.

Нельзя льстить толпе. Это опасно для простецов (ибо становится оправданием их собственного невежества). Это опасно для льстецов (как опасна любая ложь). И это опасно для Церкви в целом: ведь за этой лестью на самом деле стоит попытка льстеца стать вождем толпы, которая пойдет сметать епископские престолы.

Конечно, бывает и искренняя пропаганда без-книжия: люди, сами не учившиеся богословию и убежденные при этом в доброкачественности своего неотрефлексированного Православия, вполне естественно считают, что науки в вере излишни. Жизнь в церковно-народных традициях им кажется гарантом воспроизведения Православия. И они почти правы. Почти – потому что их рецепт стихийной церковности дает сбой в случае кризиса самих церковно-народных традиций. В условиях культурных революций, когда появляются новые вопросы и новые ситуации, такие «простецы» способны лишь на апокалиптически-раскольнические реакции.

И, напротив, люди, получившие богословское образование, знают, сколько усилий и дисциплины нужно приложить к его обретению. А потому и стихийности такие люди доверять не склонны. Их опыт говорит, что вере надо учиться, что понимание важнее подражания[23].

Святоотеческая же традиция просто не ставила проблемы соотношения веры и знания, веры и знания – ибо для отцов это не было проблемой. Энциклопедические знания (некоторых из них) естественно уживались с живой верой.

«Разум! Разум! И клянут его и хвалят, но и те, кои клянут его, знают, что без разума ничего не поделаешь… И вере тоже без разума нельзя. Разум верный в область веры ничего не пустит такого, что может портить ее тенор, – например, суеверия»[24].

Только *благочестие на все полезно* (1Тим.4:8), а вот простота – нет.

Бывает простота естественная. Человек просто не прошел искус серьезным образованием, мыслью, жизненными сложностями. Такая простота безоценочна: она ни хороша, ни плоха. Точнее, она бывает полезна во времена нормального воспроизводства традиционного уклада жизни. Но в периоды кризиса эта простота может обернуться предательством. Например, вполне простым и очевидным кажется

принять веру победителя…

Свидетель агонии Византии Димитрий Кидони говорит: «Много христиан сделались споспешниками турок. Простонародье предпочитает сладкую жизнь магометан христианскому подвижничеству»25. Еще ранее о неспособности простецов отстоять свою некогда православную веру говорил преп. Феодор Студит: «Игумены фотинудский, ираклийский, мидикийский, милийский, иполихнийский, гулейский, даже флувутский *по безрассудной простоте впали* в обман, войдя в общение с нечестивыми» (Послание 236. Архиепископу Иосифу)26.

И предлагал этот подвижник совсем непростое лекарство: «Видишь, как я философствую в это время философии? Ибо философия есть средство избежать гибели от ереси»27 (Послание 259. Архиепископу Иосифу). Понятно, что преп. Феодор с полным своим согласием приводит и цитировавшиеся выше слова преп. Иоанна Лествичника о ереси гносеомахов (Послание 48. К Афанасию)28.

Бывает простота благодатная, например, простота последних лет жизни Иоанна Богослова, когда он только одну фразу говорил: «Дети, любите друг друга». Благодатная простота как цельность души, знающей только Христа и всюду видящей только Предмет своей единственной любви – добра.

Но бывает простота, которая хуже воровства. Это искусная стилизация, когда человек, прошедший огонь, воду и медные трубы, с кучей всяких дипломов за плечами, вдруг начинает стилизовать себя: «Ай, надо по-простому, надо без всякой мысли, критики, размышления». Искусственная стилизация, игра в упрощение – это разновидность лицедейства и косметики. Это плохо. По слову Владимира Лосского, русского богослова XX века: «если современный человек желает истолковать Библию, он должен иметь мужество мыслить, ибо нельзя же безнаказанно играть в младенца; отказываясь абстрагировать глубину, мы, уже в силу самого языка, которым пользуемся, тем не менее абстрагируем – но уже только поверхность, что приводит нас не к детски восхищенному изумлению древнего автора, а к инфантильности»29. Или, по четкой формулировке философа Льва Карсавина – «наивные представления о Боге в содержание веры не входят»30.

Увы, горькие слова, сказанные еще в XIX столетии, профессором Н. Глубоковским, хорошо характеризуют и нынешние настроения во многих церковных, а наипаче монашеских кругах – «всякий мнил себя богословом по самому праву воспринятой им христианской веры и не только не давал труда строгой систематической подготовки, но пренебрегал ею, унижал богословскую науку и немногих ее адептов и взывал о принижении до своего примитивного уровня»31.

В начале XX века Антонию (Храповицкому) пришлось даже писать статью со скандальным названием – «В защиту наших Академий»: «Нам грустно слышать несправедливые фразы о том, что академия священнику не нужна; говорящий такие фразы подобен или петуху перед зерном жемчужным, или свинье под дубом вековым»32. А священномученик архиепископ Иларион напоминал слова Сильвестра Коссова: «Латинские науки нашему народу нужно изучать прежде всего для того, чтобы нашей Руси бедной не звали Русью глупой»33.

В общем – Православие сложно. Оно настолько сложно, что в нем есть место и для простоты и простецов. Но – только для тех, которые готовы по-простому слушаться знатоков традиции и Писания. Без этой готовности некнижная небогословствующая простота вышвырнет их из Церкви при первом же даже не шторме, а волнении34.

В Церкви есть такое неписаное правило: в созвездии наших святых избери себе для подражания того, кто наиболее похож на тебя по обстоятельствам своей жизни. Это означает, что:

1) лучше прилагать к себе советы подвижников, живших в недавнее время, а не советы древних. Ведь обстоятельства жизни и культура, в которой жили святые XIX века или новомученики века XX-го, более похожи на те проблемы, которые обступают нас;

2) попробуйте выбрать такого святого себе в учители, который по своей социальной ситуации был похож на нас. А в некоторых отношениях нам ближе сегодня святые III-IV столетия, но не XIX-го. Тогда христианство тоже было меньшинством, иногда гонимым, иногда терпимым, но все же меньшинством. Оно не было имперской религией, религией большинства. Но это и не была совсем маленькая

горстка, как в I и II веках. Христианам III века надо было свидетельствовать и объяснять, а не повелевать. Приходило ли в голову святому Киприану Карфагенскому призывать своих прихожан пикетировать римский сенат с лозунгами: «Мы протестуем против агрессивной внешней политики! Требуем закрыть термы! Долой театр!». Нет, своим прихожанам он говорил: «Вы в баню не ходите» (бани тогда были общие). И пояснял: «Даже если ты при виде чужой наготы не будешь разжигаться блудными мечтами, то другому дашь повод к таким мечтаниям». Но при этом не было призывов к сожжению бань и не было попыток цензуры театрального репертуара;

3) выбери святого, наиболее близкого к тебе не только по времени, но и по его служению, по обстоятельствам его жизни. Если ты многодетный семьянин, то тебе полезнее будет ознакомиться с документами из жизни Царской Семьи. А уж если на твоем носу очки, и твоя «карма» помечена университетским дипломом, то не надо актерствовать и корчить из себя «простодушную пейзанку». «Утраченного невежества не воротишь» (Лоренс Питер). Лучше примириться со своей сложностью и воцерковить себя во всей своей сложности и образованности. И тогда ориентиры для себя надо искать среди церковной святой интеллигенции, а не среди отшельников. Святые книжники Церкви – это апостол Павел и Григорий Богослов, Василий Великий и патриарх Цареградский Фотий, митрополиты Филарет (Дроздов) и Серафим (Чичагов)… У них нужно учиться тому, как талант интеллектуальной сложности и светского образования приносить на служение Христу, а не ампутировать его[35]. И от этих же Отцов стоит расслышать предупреждение: «Не должно предписывать на основании обычая там, где следует доказать рассуждением»[36].

Христос пришел для всех. Значит – и для образованных людей тоже, а не только для «простецов» (которые, вдобавок, начинают совершенно некстати гордиться своей «простотой»).

Жизнь не сводится к простоте. Вот когда нас приведут к суду, требуя отречься от Христа, тогда наш ответ должен быть прост: да-да, нет-нет, а все остальное было бы от лукавого. А в реальной жизни оттенков очень много.

Ну как в двух цветах объяснить отношение апостола Павла к идоложертвенному – можно есть или нельзя? Как-то в Ноябрьске я пробовал пояснить позицию апостола, а один молодой человек все вскакивал и кричал (уж не знаю – харизмат, протестант или так просто болящий): «Что вы все так усложняете? Можно сказать – «да-да», «нет-нет»?». Сказать-то можно. Но это уже будет авторским «простецким богословием», а не Павловым.

Прост ли ответ на вопрос о конце Ветхого Завета? Когда прекратился ток благодати через еврейский храм? Когда синагоги стали, скорее, сборищем сатанинским, нежели собранием благоверных людей? С точки зрения богословия – с момента распятия Христа: пала завеса в Иерусалимском храме. Но церковная история усложняет эту схему: апостолы и по Воскресении Христа ходили в Иерусалимский храм, приносили жертву по закону. И хотя закон уже умер во Христе, апостолы исполняли закон. Как это согласовать? Это не сводится к какой-то простенькой формуле.

Прост ли Устав нашего Богослужения? Проста ли наша догматика? Легко ли ориентироваться мире церковных канонов? Легко ли истолковать Писание? Прост ли церковно-славянский язык с его греческой грамматикой? Я вообще не знаю ни одной «простецкой» стороны церковной жизни и веры.

Потому лишь широко раскрытыми от изумления глазами смотрю я на слова моего академического коллеги о том, что организованные им недельные курсы для учителей ОПК дадут такие знания о православной вере и жизни, что их хватит даже для преподавания в университетах! («В течение семи дней предполагалось освоение основ богословских знаний, своеобразная «школа молодого бойца». По завершении курсов слушатели сдавали экзамен и получали сертификат, удостоверяющий повышение квалификации в области православной культуры и дающий право преподавать духовные предметы в школе и ВУЗе»37). Тут уж я вступлюсь за честь своей науки словами Честертона – «Верующий гордится сложностью догматики, как гордится ученый сложностью науки» (Ортодоксия, 6).

Понятно, что людям хочется легких простых решений. Но самая простая вещь на свете – это вообще атеизм: «Бога нет, Христа не надо, мы на кочке проживем!». Вот уж предельная простота.

О дурной стороне моды на «простоту» говорит такая статистика: Творения святителя Иоанна Златоуста стали выходить в 1991 году, завершилось их издание в 2004-м. Тираж первого тома – 75 тысяч. Тираж последнего, 12-го, тома – 3 тысячи. Падение тиража – в двадцать пять раз! Параллельных изданий творений Златоуста, вошедших в его последние тома, за эти годы не было. Вывод вполне ясный: за 15 лет половодье дешевых брошюрок о «знамениях последних времен», о «пророчествах блаженных стариц» и о том, «как вести себя на кладбище», перебило вкус у церковного народа. Величайший из отцов, говорящий великолепным языком, сочетающий постоянную обращенность к нравственным коллизиям жизни обычного человека с высочайшим богословием, оказался не по зубам, и в итоге – вытеснен с церковного «книжного рынка». В России более 16 тысяч храмов. Около 20 тысяч священников и диаконов. И если Златоуста издают тиражом в три тысячи – значит, лишь один священник из десяти[38] считает для себя интересным и нужным впустить святителя Иоанна Златоуста в свою домашнюю или приходскую библиотеку! Вот вам и итог воспевания «простоты в вере».

И если такова судьба Златоустова слова, то что же говорить о трудах академических богословов!

Но ведь богословие – это одна из форм хранения себя в трезвости (именно трезвость, трезвение как умение сдержанно оценивать себя, свое положение, свои помыслы и мотивы своих действий назвал важнейшей христианской добродетелью преподобный Антоний Великий). Отстрани богословски-трезвенную цензуру от своего сердца – и что-то еще оттуда изольется!

Как пример приведу «пророчества» некоей «схимонахини Нилы»: «Современные русские паломники осквернили Святую Землю и нагрешили в ней столько, что нужно теперь по нашим святым местам ездить, каяться и замаливать грехи»[39]. Вот вам и жемчужина русофобии. Не мусульмане и иудеи, не атеисты и коммерсанты, не террористы и хасиды, плюющиеся в священников, сквернят Святую Землю, а русские православные паломники… Конечно же, «матушка говорила, что к концу времен на месте Санкт-Петербурга будет море. Москва же частично провалится,.. но моя хатка (в подмосковном

Егорьевске – А. К.) останется»[40].

Но почему-то «схоластическое богословие» противопоставляют только «жизни в Духе». Увы, гораздо чаще отсутствие богословской воспитанности восполняется не жизнью в Духе, а банальным человеческим невежеством и мелкими склоками.

К сожалению, в сегодняшней Церкви богословие не нужно ни «левым», ни «правым».

Левые нападают на богословие за его «догматичность» (нет, мол, творчески-открытого пересмотра средневековых доктрин), «схоластичность» (надо, мол, экологией заниматься и филантропией, а не цитаты заучивать), «нетерпимость» (ибо ясно выраженная мысль очевидно же показывает свое отличие и даже несовместимость с иными ясно же выраженными суждениями по тому же поводу). И вообще – недостаточно быстро идет замена средневековых «отцов» гениальными прозрениями современного Бердяева[41].

А правые видят в богословском рационализме «источник ересей». Мол, достаточно «духом пламенеть». Такие ревнители забывают, что спектр возможностей не сводится лишь к двум альтернативам: или молитвенная собранность, дарующая благодатное вразумление, – или же книжная рациональная начитанность[42].

Есть еще и третья, самая широкая дорога – никакая. По ней не несут ни тех, ни иных даров. Ответы на этом пути выдаются «от ветра главы своея». «Один клирик пришел ко мне с объявлением, что он желает послужить Святой Церкви проповеданием слова Божия иноверцам. Хорошо, говорю, друг мой; но скажи мне, сколько у нас богов, чтобы знать, какую веру мы намерены проповедовать. И что же? Он насчитал мне их не только три, но и четыре, и пять, и может быть, простерся бы далее, если бы я не пресек этого исчисления…»[43].

Так что в мир книг стоит погрузиться, убегая не от молитвы, а от собственной глупости. Если я не могу быть уверен, что всегда в нужную минуту Господь будет управлять моим умом и языком, то лучше тогда не доверяться своим ощущениям, а смиренно ответить цитатой. А вот для того, чтобы ее привести, – надо ее найти, надо ее помнить, надо понять, что именно эта цитата уместна именно в этом случае (а вот для этого нужен некий опыт и вкус).

Понимание безкнижной простоты как опасности было у св. Иннокентия Московского. Вступая на московскую кафедру, он сказал: «Братии и отцы! Особенно вы, просвещенные наставники и отцы! Не таков вам подобаше архиерей, как я бескнижный. Но терпите меня любовию Христовою.. паче же молитесь о том, дабы лжеучение и плотское мудрование, пользуясь моим бескнижием, не вкралось в среду Православия»44.

По слову священника Александра Ельчанинова, чем духовнее священник, тем меньше значит его образованность. Это верно. К отцу Иоанну Кронштадтскому привлекала отнюдь не его эрудиция.

Но верно и обратное: чем менее духовен пастырь, тем больше значит его образование. В присутствии Святого немыслимы дискуссии; старец – это человек, в присутствии которого умирают вопросы: вот, он **есть**, и правда его жизни настолько очевидна, что не о чем дискутировать или сплетничать… Но если мы не похожи на святого отца Иоанна Кронштадтского, а люди все же обращаются к нам с вопросами и через нас вступают в дискуссию с Церковью?

… В 1903 году английские войска под командованием полковника Фрэнсиса Янгхазбанда вторглись в Тибет. Жители Лхасы встречали их аплодисментами. Англичане радостно недоумевали. И лишь потом выяснилось, что в Тибете хлопание в ладоши отнюдь не есть форма выражения восторга. Так тибетцы отгоняют злых духов… Апостолов от такого рода непоняток ограждал Дух Святой. Сегодня же миссионеру для этого нужны и библиотечная усидчивость, и внимательность, и смиренная готовность расспросить даже о том, что ему кажется понятным в чужой жизни.

Слишком часто я видел в семинарии, как именно те студенты, что не баловали библиотеку своим посещением, твердили о «духе». Бывало, заходишь в комнату в тот час, когда по расписанию студенты должны работать с книгами, и думаешь, что не застанешь в ней не-книжного подвижника – он наверняка в храме акафист читает… Ан нет – глядишь, соседушка уже исполнил свое молитвенное правило (один великий поклон вдоль всея постели) и третий сон досматривает…

Но пока в обществе, в церковном народе и в церковной иерархии не будет уважения к богословию и к богословам (в церковном фольклоре

слово «богослов» расшифровывается как «бог ослов»), пока не будет кафедр православного богословия в университетах России – общество будет метаться от одной мифологии к другой. Россия была единственной страной в Европе, где богословие было отделено от университетов. И вместо теологических факультетов в них пришли кафедры научного атеизма, а теперь и «духовного целительства» и валеологии.

Да, духовный опыт первичен… Первичен, но недостаточен. Или скажем так: наличие личного духовного опыта достаточно для спасения человека – носителя этого опыта, но оно недостаточно для жизни Церкви. Церкви для ее миссии, для ее защиты от ересей и для проповеди нужна рефлексия над этим духовным опытом. «Дабы религиозное переживание и религиозный опыт могли быть выражены и приобрели универсальную значимость, их основания должны быть прояснены разумом и «ограничены», то есть при помощи понятий приведены к известным пределам, в которых они обладают статусом всеобщности и необходимости. Лишь так можно получить ответы на вопросы: во что я верю, на что надеюсь, что есть мир, каковы место и задачи человека в нем. Таким образом, из «ограничения» веры при помощи понятийного аппарата рождаются христианские теология, космология и этика»45.

Не надо бояться рациональности. Многие церковные люди, воспитанные на репринтных книгах прошлого столетия, усвоили от них убеждение в том, что рационализм есть отец ересей. Это правда, что рационализм может выступать в таком качестве. Правда, что безблагодатный разум может противоречить благодатному сердечному опыту, отторгаться от него и порождать конфликты и ошибки.

Но ведь безблагодатным может быть и сердце.

Безблагодатной может быть и вера (становящаяся тогда суеверием).

Всегда ли благодатны сердца церковных проповедников и служителей? Всегда ли именно евангельский дух любви живет в них? Кто дерзнет о себе самом сказать: «Да, у меня чистое сердце, и потому я верю всему, что Бог мне на сердце положит!»?

Но если нет гарантий чистоты сердца – тогда стоит особое внимание

уделить проверке своих сердечных влечений и рефлексов с помощью разума, особенно того разума, который просветлен и очищен церковным преданием и святоотеческим учением.

Так что не все ереси и не все ошибки рождаются рационализмом. Рационалистические ереси были наиболее активны в позапрошлом веке, и вполне разумно выступали против них ученики Хомякова и Якоби, указуя на рационалистическое усечение полноты человеческого опыта как на источник еретических заблуждений46. Но сегодня погода на улице совсем другая. Солнце разума скрылось за оккультными тучами. Повторять сегодня расхожие аргументы позапрошлого столетия – все равно что рекламировать средства от загара в середине дождливого сезона. Рационализм и академическая наука сегодня очевиднейшие союзники Церкви. Ибо не от обилия мысли и учености рождаются сегодня секты и ереси, а от вполне обыденного невежества и неумения мыслить логически и ответственно.

Сегодня рационализм никак не может быть отцом ересей. Сегодня это средство защиты Православия. Ясность убеждений, их аргументированность и осознанность – необходимое условие для того, чтобы быть православным в век расплывчатого и туманно-удушливого «плюрализма».

Богословие, которое было чем-то отвлеченно-дидактическим и неактуальным в позапрошлом веке, сегодня оказалось жизненно необходимым. Вдвойне презрительно-снисходительное отношение к богословию (со стороны светской интеллигенции47, и со стороны немалого числа монашествующих) сегодня слишком устарело и слишком рискованно. В спокойные века богословие необходимо для того, чтобы не забыть накопленное прежде. Тогда богословие становится, по словам отца Сергия Булгакова, «бухгалтерией религиозного опыта», и, как всякая бухгалтерия, богословие, сведенное к катехизису, – скучно. Пока все спокойно – пассажирам нет дела до того, как устроен их корабль и какие силы обеспечивают его выживание и движение. Пассажиры, «удобно расположившись в салонах, за пределами которых их ничего не интересует, проводят там досуг. Им неведома тяжкая работа шпангоутов, сдерживающих вечный напор воды. Вправе ли они жаловаться, если буря разнесет их

корабль в щепы?» (А. де Сент-Экзюпери)[48]. В бурю подробности об устройстве корабля и его жизнеобеспечивающих систем полезно знать всем. В век начинающейся войны возрожденного неоязычества против Евангелия знание богословия становится не излишеством, но самым необходимым, ибо богословие – боевое оружие. Когда на христианство идет наступление, то все христиане должны четко представлять – что они защищают и во имя чего.

И потому ясна уловка наших недругов, понятно, почему столь настойчиво твердят нам нецерковные «гуманисты»: «Да оставьте вы ваше богословие, ваши старые догмы, перестаньте спорить, займитесь экологией, благотворительностью, активной социальной работой… Но только не думайте над источниками вашей ортодоксии, только не изучайте вы своих древних отцов!». Когда нас призывают быть «открытыми», на самом деле имеют в виду именно закрытость: «Закройте вы этих старых учителей вашей Церкви. Заслоните себя от фундаменталистского влияния вашей традиции. Откройтесь новому, современному, общечеловеческому». Открытым нужно быть ко всему чужому – чтобы закрыться от своего. Изучай модерновое и иностранное – чтобы ты вдруг не принялся за восстановление своего почти разрушенного, почти украденного и от начала до конца оболганного…[49]

Так вот, протест против пошлости масс-медиа – и в изучении серьезной мысли. Протестовать против пошленьких «общечеловеческих ценностей» «новых русских»[50] можно не только с наркотиками и не только в контр-культуре. Самый радикальный протест против нынешней пошлости – это возврат к Традиции. Не отчасти быть русским – а полностью. Не отчасти быть православным – а всецело. Когда вокруг навязывают оккультизм – протестом будет не материализм, а богословский рационализм Православия. Пресса норовит отобрать у тебя право на собственное мнение (уверяя, что, мол, все мнения равны и настаивать на своей правоте нехорошо)? – Что ж, проявить самостоятельность и остаться в самом немодном, самом обвиняемом лагере – в христианстве – будет достойным и вопиющим непослушанием. Когда полно призывов «голосуй сердцем»[51] – самое время спокойно и трезво подумать. В том числе – на богословские темы.

2007 г.

Примечания:

1. См.: О ста ересях, 88 // Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М., 2002. С. 148–149.

2. Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.1986. с.227

3. Публикацию русского перевода, исполненного епископом Иларионом (Алфеевым), см. в: Церковь и время. М., 2003, № 1 (22).

4. св. Григорий Богослов. Слово 43, надгробное Василию с. 609.

5. PL XXII, col. 431–432 Цит. по: Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М., 2002, сс. 64–65.

6. *Святитель Иоанн Златоуст*. О священстве 4, 5–8 // Творения. т. 1. кн. 2. СПб., 1898. сс. 453–460.

7. Толкования на Новый Завет блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского. СПб., 1911. С. 568.

8. Творения святителя Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Второе Послание к Коринфянам. М., 1998. С. 353.

9. Там же. С. 353–354.

10. *Святитель Иоанн Златоуст*. Толкование на Второе послание к Коринфянам, 23, 2 // Творения: В 12 т. Т. 10. Кн. 2. СПб., 1905. С. 664.

11. Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись. от простоты во Христе. Ибо если бы кто, придя, начал проповедовать другого Иисуса, которого мы не проповедовали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, – то вы были бы очень снисходительны к тому. Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов (ср.: 2 Кор.11:2–5).

12. См.: Septuagint with Apokrypha: Greek and English. London, 1851. P. 739.

13. См.: *Юнгеров П.* Псалтирь в русском переводе с греческого текста

70-ти. Троице-Сергиева Лавра, 1997. С. 106.

14. *Святитель Афанасий Великий*. Толкование на псалмы // Творения: В 4 т. Т. 4. М., Троице-Сергиева Лавра. 1903. С. 239.

15. Послание старца Филофея, Елеазарова монастыря, к дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю против звездочетцев и латинян. Публ. в: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901. Приложения. с. 37. В ином послании: «Я человек селской и невежа в премудрости. Не во Афинех родился ни у мудрых философ учился» (Послание о покорении разума откровению. «Учился послания буквам, а еллинских борзорстей не текох, и риторских астроном не читах». С. 33)

16. цит. по: Ключевский В. О. Курс русской истории, часть 3, лекция 54 // Сочинения в 9 томах, т. 3. М., 1988, с. 278.

17. цит. по: Ключевский В. О. Курс русской истории, часть 3, лекция 54 // Сочинения в 9 томах, т. 3. М., 1988, с. 278.

18. Курбский А. Предисловие к «Диалектике» Иоанна Дамаскина // Библиотека литературы древней Руси. Т.11. Спб., 2001, сс. 575–577.

19. *Аввакум Петров*. Нравоучение // *Аввакум Петров*. Послания и челобитные. СПб., 1995. С. 48.

20. *Митрополит Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 151.

21. *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 76–77.

22. О богословских воззрениях протопопа Аввакума см.: *Каптерев Н.*Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. СС. 39–42.

23. Тут есть повод признать, что есть своя правда в известной формуле Макса Вебера, согласно которой «простецы» прибегают к религии для избавления от внешних тягот, а «интеллектуалы» – для решения своих внутренних проблем.

24. *Святитель Феофан Затворник*. Собрание писем. Из неопубликованного. С. 159.

25. Цит. по: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. XI–XV века. М., 1997. С. 581–582. От себя историк добавляет: «Греческое крестьянство большей частью перешло в ислам» (Там же. С. 558). Замечу, речь идет о событиях XIV века – до окончательного падения Византии оставалось еще столетие.

26. *Преподобный Феодор Студит*. Послания. Ч. 2. М., 2003. с. 362

27. *Преподобный Феодор Студит*. Послания. Ч. 2. М., 2003, с. 394.

28. Преподобный Феодор Студит. Послания. Ч. 1. М., 2003, с. 160.

29. Лосский В. Н. Догматическое богословие. // Богословские труды n.8, с.149.

30. Карсавин Л. О сомнении, науке и вере. // Логос. N.46. Брюссель-Москва. 1988. с.174.

31. *Глубоковский Н.* Вера и богословие. Юбилейное исповедание // Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932 / Сост. М. Склярова. СПб., 1994. С. 94.

32. *Епископ Антоний (Храповицкий)*. В защиту наших Академий // Полное собрание сочинений. Казань, 1900. Т. 3. С. 452.

33. *Архиепископ Иларион (Троицкий)*. Богословие и свобода Церкви //*Архиепископ Иларион (Троицкий)*. Без Церкви нет спасения. М., 1998. С. 308.

34. «Не читали ли Вы книгу Дэна Брауна «Код Да Винчи»? Мне кажется, что опасность для умов этого завлекательного детектива не может быть преувеличена. У нас в приходе несколько человек прочитав, перестали ходить в храм» (свидетельство Ольги Тыщук от 2 сентября 2005 года).

35. «Если бы Вы смогли прочесть историю Ефесского собора, Вы бы не стали больше никогда говорить об исключительной ценности «простых» умов и «простых» сердец!» (*Леонтьев К*. Избранные письма. СПб., 1993. С. 543).

36. *Священномученик Киприан Карфагенский*. Письмо 58. К Квинту о крещении еретиков // Отцы и учители Церкви III века. Антология. Т.

2. М., 1996. С. 367.

37. http://pravoslavie.ru/guest/051221114232

38. Ведь какую-то часть этого трехтысячного тиража разбирают Украина, Белоруссия, Молдова… Что-то раскупают миряне.

39. Схимонахиня Нила. Жизнеописание, наставления, пророчества о конце мира и грядущих событиях. Полтава, 2001, с. 189.

40. Там же, с. 194.

41. «Консерваторы твердили, что отцы Церкви сказали все и достаточно повторять их слова, а реформаторы испытывали живой интерес к бурному и пророческому творчеству великих религиозных мыслителей начала века, среди них – Николая Бердяева», – пишет в своей поразительно не-трезвой и предвзятой статье Оливье Клеман (*Клеман О.* Трудности и недомогания Русской Церкви // Русская мысль. 1998, 24 июня). Парижскому богослову хватило сплетен, собранных за три дня его пребывания в России, для того, чтобы прийти к выводу, что «многие епископы (за исключением, может быть, десяти из общего числа 120–130) – попросту говоря, тупицы».

42. В интернете мне встретилось интересное свидетельство этой дихотомии: «*Кого надо – Бог Сам приведет*. Это манифест нашего Пензенского священства. «Подумайте, что лучше: или все православные будут Серафимами Саровскими или Андреями Кураевыми?» В ответ мне хочется прямо стукнуть себя в лоб ладонью и покачать головой; 4 Июля 2007). Кстати, в Пензе и в самом деле мои лекции были лишь однажды.

43. архим. Макарий Глухарев. Письмо обер-прокурору Синода С. Д. Нечаеву. 28 июня 1836 г. // Нестеров С. В. Словом и житием наставляя: Жизнь и труды преподобного Макария Алтайского. М., 2005, с. 444.

44. Барсуков И. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883, с. 594.

45. *Столяров В. В*. Патристика // История философии. Запад – Россия – Восток: В 2 кн. Кн. 1. М., 1996. С. 249.

46. «В кругу переученых усиливается мнение, что совсем и бесов нет» (*Преподобный Амвросий Оптинский*. Собрание писем к мирским особам. Ч. 1. Сергиев Посад, 1908. С. 211).

47. Ученик А. Меня журналист К. Кедров собственное богословское невежество оправдывает тем, что он, мол, вознесся выше всех богословских тонкостей: «Оставим в стороне богословские споры о том, является ли Иисус Сыном Божиим и даже Самим Богом, или это один из величайших учителей человечества… Важно то, чему Он учил. В чем новизна Его учения? Отныне личность, человек были поставлены выше семьи, общества, государства, нации. Именно из этого горчичного зерна спустя 1800 лет выросло дерево, именуемое «Декларацией прав человека». Многие считают, что после двухтысячного года эра от Рождества Христова закончится и начнется эпоха Водолея. Время еще большего раскрепощения личности. Может быть, для других стран это так. В России же мы и сегодня живем словно до новой эры. Новая эра в России еще и не начиналась, и мы топчемся у ее преддверия вот уже тысячу лет» (*Кедров К*. Рождество Христово в России праздновать научились. Научимся ли жить по заповедям Христа? // Известия. 1995, 6 янв.). Недавно из Христа делали первого коммуниста, теперь – первого демократа. И даже не демократа (в демократическом представлении не может быть формулировки, утверждающей, будто «человек выше людей», формулировки, к которой Кедров редуцировал все Евангелие), а просто – пошляка, сознание которого целиком скомпоновано российскими демгазетами 1990 года. Был уже персонаж, подобный Кедрову, в российской околоцерковной журналистике. И церковное мнение о нем уже было высказано. И этой оценке, высказанной В. Розановым, можно лишь сказать: «Аминь!» и переслать ее Кедрову: «Уже по чрезвычайной каше этих мыслей можно угадать, что говорит Григорий Петров. Он пишет эти мысли двадцать лет, и читатели его невольно должны думать, что Иисус Христос основал не Свою Церковь, а основал русско-еврейскую либеральную печать, коей вестником или «ангелом» послал на землю Григория Спиридоновича… Господа, опомнитесь: Иисус Христос основал не либерализм, а Свою Церковь» (*Розанов В. В.* Об одном приеме защиты еврейства // *Розанов В. В.* Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб., 1914. С. 97–98).

48. *Сент-Экзюпери А., де*. Сочинения. М., 1964. С. 403.

49. «Они будут нашептывать нашим детям, еще гимназистам и гимназисткам, что мать их – воровка и потаскушка, что теперь, когда они по малолетству не в силах ей всадить нож, то по крайней мере должны понатыкать булавок в ее постель, в ее стулья и диваны; набить гвоздиков везде на полу… и пусть мамаша ходит и кровянится, ляжет и кровянится, сядет и кровянится. Эти гвоздочки они будут рассыпать по газеткам. «Революция» есть «погром России», а эмигранты – «погромщики» всего русского, русского воспитания, русской семьи, русских деревень, русских сел и городов» (*Розанов В. В.* Не нужно давать амнистию эмигрантам // Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. М., 1996. С. 598–599). «Как задавили эти негодяи Страхова, Данилевского, Рачинского… задавили все скромное и тихое на Руси, все вдумчивое на Руси. Было так в Египте – «пришествие гиксосов». Черт их знает, откуда-то «гиксосы» взялись, «народ пастырей», пастухи. Историки не знают, откуда и кто такие. Они пришли и разрушили вполне уже сложившуюся египетскую цивилизацию, существовавшую в дельте Нила две тысячи лет; разрушили дотла, с религией, сословиями, благоустройством, законами, фараонами. Потом, через полтора века, их прогнали. И начала из разорения она восстановляться; с трудом, медленно, но восстановилась. «60-е годы у нас» – такое нашествие номадов. «Откуда-то взялись и все разрушили». В сущности, разрушили веру, Церковь, государство (в идеях), мораль, семью, сословия» (*Розанов В. В.* Из книги, которая никогда не будет издана // Там же. С. 636–637). Написано это было в 1916 году. А словно бы сегодня…

50. На одном из «круглых столов», посвященных выработке «новой национальной идеологии России», Игорь Чубайс пояснил, что новая национальная идея России должна быть такой же, как у западноевропейцев – семейное благополучие и рост благосостояния, и ничего больше не нужно…

51. Если кто-то забыл – напомню, что это была агитка на президентских выборах лета 1996 года. Поскольку разумных оснований для того, чтобы переизбрать Б. Ельцина, явно не было, предвыборная реклама обратилась к эмоциям.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch